

ИСПОВЕДЬ ПОСЛЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

В моей биографии нет, пожалуй, ничего такого, чем можно было бы утешиться. Даже творческие удачи не особенно радуют, ибо в полной мере не реализуются. Да, я служитель Слова, но в этом своем качестве лишен общественного достоинства, потому что Россия доведена до такого состояния, когда творчество поэта остается неостребованным, болтовня, косноязычие, невостребованность Тепла и Разума порождают невежество и жестокость. Мы уже почти не осознаем того, что души холодная пустыня, добра к другому не возрастит.

Что сегодня пытаются спасти правящий клан? Рубль? Это «мартышкин труд» потому, что утратившим душевное тепло, увы, все злато мира не поможет. Что ж нам принять на душу доктрину «Выживает сильнейший» и?.. Но это всего лишь очередной выплывш словоблудия, результатом которого может стать необратимая утрата духовности. Мы и так уже «натворили» со своей историей и культурой, разделив их — до семнадцатого года и после, — невежественно топча и отвергая культуру веков. Сегодня же мы запросто можем лишиться того небольшого из оставшегося в уникальной душе россиянина — Доброты, Милосердия и Чести. И пусть вас не успокаивают локальные попытки энтузиастов, это капля в море. Сохранить оставшееся и возродить былую духовность можно только в том случае, если эта забота станет перво-степенным общегосударственным делом. А выживает сегодня не сильнейший, чьим трудом и талантом крепла и славилась Россия, выживают сегодня в основном беспринципно-наглые.

Я не против реформ, я активный поклонник беспокойства движения, но двигатися-то надо тоже с умом, у всего должно быть разумное начало. Да, надо выращивать хлеб, но не забывать и о «цветах» (о душе), ибо «Не хлебом единым...», а уж в нашем-то случает тем более. Выжить биологически — не проблема, вопрос в том, какими мы будем, выживив?

А над нами «громы и молнии», там идет борьба. Не за Россию — там рвут власть и делают сферы влияния. Суеются сиюминутными заботами, взывают к Западу... кредиты, займы... и все как в прорыв. Нашли чего заниматься. По деньгам ходим. Уж если чего нам и не хватает сегодня, так это здравого смысла, сознания того, что пустой души не накормить насущным хлебом. Понимают ли это «там»? Наверяд ли. Люди, конечно же, они грамотные, а вот образования им явно недостает, иначе бы искусство, культура и образование в России не находились бы сегодня в столь жалком состоянии, иначе бы дворовая серость не поднялась бы на всероссийский уровень и не творилось бы сегодня завтрашнее бездушие — будущая беда.

Переориентация общества (поползали, теперь давай полтаем) — такое только с дурного похмелья можно приду-

мать. Да нашему обществу сначала бы в реанимацию, чтобы хоть немного отдышалось. Разве можно тяжелобольного ставить на дистанцию для рывка? Болезней-то сколько. Один ГУЛАГ — болячка лет еще на сто. Это ведь только кажется, что ГУЛАГ — это те, кто там... Нет, господа-товарищи, ГУЛАГ в каждом из нас, независимо от того, был там или не был, он в нашем лексиконе, в нашем стремлении урвать и выжить за счет более слабого, он в нашем равнодушии к чужой беде, в нашем невежестве. ГУЛАГ — это стиль управления страной. ГУЛАГ — это прописка и, увы, наша привычка.

Управлять Россией — не на палочке скакать. Тут одного желанья мало, а понукать да похлестывать — дело не хитрое и бесполезное. России надо служить, почитая ее интересы превыше всего, как это делали наши славные предки. Не надо гнать Россию по бездорожью, не надо ошельмовывать сознание людей тем, что мы якобы опять опаздываем. Неужели до сих пор непонятно, что какие мы, такое время.

Невежественны мы, и никакие инвестиции, никакие рынки не сделают нас сегодня человечнее, скорее, наоборот. Девятый год уже гоним, закусив удила, все в «мысле», а в результате очередной диалектический «аборт»... Крови-то сколько... и конца этому не видно. Нет, я, упаси Бог, не отстаиваю наши прежние «завоевания». Система так прошла по моей судьбе, что и врагу не пожелаешь, но метаться из одной крайности в другую, очернять все скопом тоже не дело. Ведь народ с его неподдельной верой, со своими надеждами не лукавил; жил чаще трудно, торопливо, с той поспешностью, с которой его вели к «светлому будущему», не задумываясь над средствами и последствиями. Привели в никуда, теперь новая гонка.

Бога ради, пусть равноправно существуют все формы собственности, все цивилизованные формы отношений, но надо же учитывать не мгновенность образования подобных систем. Ведь можно же было переориентировать общество менее болезненно, но все свершилось быстрее, чем сказка сказывается: налево посмотрись — ларек с кавказско-азиатским прищуром, прямо — магазин с колбасами для миллионеров, а направо лучше не смотреть, прощай ткасть самим. Рабочий еще кое-как тянет из последних сил, но дальше «за чертой»... работники культуры, пенсионеры, инвалиды, студенты и самая обездоленная категория граждан России — поэты. Поэт по своему душевному складу беззащитен в этом смутном, невежественном мире, но он хранитель и ваятель самого ценного достояния России — Слова. А цены растут, причем самые страшные цены на парламентском «базаре», для оплаты этих цен может и России не хватить, ибо там не знают цену истинным ценностям.

Душа России еще жива. Жи-

ва потому, что живы люди, талант и творчество которых не дают ей остыть, и, не дай Бог, если их творческий порыв, их Песня будут ущемлены в угоду сиюминутным потребностям власти имущих. Люди творческой судьбы живут по-разному и творят различно, но за редким исключением им всем очень трудно. Берегите их, помогайте им! Каждый из них есть животворный родник души, и эти роднички надо обязательно сберечь, ведь сколько песен недопетых в прошедших кануло годах...

Мы, кстати, помогаем друг другу чем можем. Я, например, безвозмездно, но дружбе сотрудничаю с Валерием Ободзинским, Галей Ненашевой, подарил несколько своих романсов и песен Николаю Сличенко и был вознагражден более чем авторским гонораром — я увидел восторг на лице этого великого россиянина, я испытал творческое удовлетворение. Правда, вскоре снова нахлынуло чувство горечи, потому что я лауреат союза (1990 г.), передачи о моем творчестве дают в эфир «Маяк», «Радио России», «Радио-1», а жить, увы, не на что. Ну не парадокс ли, если я за 30 минут своего эфирного времени, которое требует многодневной подготовки и немалого напряжения, получаю 161 рубль, да и те с двухмесячной задержкой?

«Как в зажившее ухо втиснуть им тихое слово?», как убедить в том, что для России внимание к культуре — дело наиглавнейшее? Казалось бы, есть у нас Министерство культуры, которое и должно всем этим заниматься, но «Федот, да не тот». Вот когда «вообче» о культуре, искусстве — это пожалуйста, а если надо конкретно помочь художнику — они не могут, и, как оказалось, это вообще не их дело. Они, правда, занимаются творческим наследием поэтов, писателей, художников, композиторов, но для этого надо, сами понимаете, сначала умереть или, если очень повезет, «открыться» для России где-то за границей. Есть у нас и другие организации, на которые, кстати, ссылается Министерство культуры России. Вы, дескать, создадите песни и романсы, следовательно, вами должны заниматься союзы писателей или композиторов (кто угодно, только не мы), а там меня, например, «в упор не видят», там надо быть членом, а я просто поэт, да к тому же недавно освободившийся из недр ГУЛАГа после приведения приговора в исполнение.

В этом смысле моя судьба и судьба моей Родины опять-таки неотличимы, ибо исполнение приговора над Россией тоже состоялось. Она так же, как и я после долгих лет заключения, истерзана и слаба, но хочет жить. Впереди у нее адаптация, возрождение (дай-то Бог, чтобы все это состоялось). Как скоро это произойдет, будет зависеть только от нас, ибо все мы вместе и каждый из нас в отдельности и есть Великая Держава, имя которой — Россия.